

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ЭПИСТОЛЯРИЯ Б. АСАФЬЕВА

Кенуль НАСИРОВА

Люблю Восток, люблю поэзию и музыку
Азербайджана,
Борис Асафьев

Творчество народного артиста СССР Бориса Владимировича Асафьева составляет целую эпоху в истории русской музыкальной культуры XX столетия. Выдающийся ученый – музыковед, блестящий критик – публицист, талантливый композитор, педагог и просветитель, он восхищает своей поистине феноменальной деятельностью. Многочисленные научные работы Б.Асафьева – это особый мир пророческих предвидений, в котором гармонично сочетаются аналитическая глубина, необъятная эрудиция, широта кругозора художника с умением воспринимать и осмысливать действительность «через слух».

Разносторонняя деятельность Б.Асафьева, вызывающая неизменный интерес у исследователей, после распада СССР получает неоднозначную оценку. Новая информация проливает свет на многие события его жизни и творчества, позволяет по-иному подойти к вечной проблеме «художник и власть». Однако это ни в коей мере не умаляет значимости незаурядного таланта Б.Асафьева, который расцвел при политическом режиме Сталина, детерминирующем духовную сферу общества.

Огромное творческое наследие Б.Асафьева включает в себя не только его блестящие историко-

теоретические изыскания, но и многочисленные сочинения в разных жанрах. Хотя его композиторское творчество постигла не такая блестящая участь, как научные труды, и сочинения не получили столь же широкого признания, тем не менее, это талантливые образцы, имеющие «право на жизнь».

Выпускник Санкт-Петербургской консерватории по классу композиции Н.А.Римского-Корсакова и А.Лядова, он с юных лет был окружен вниманием выдающихся деятелей русской музыкальной культуры. Б.Асафьев начал самостоятельную творческую жизнь в 1909 году, как концертмейстер балетной труппы Мариинского театра. В тот год выступавшие на этой сцене легендарные исполнители – Анна Павлова и Вацлав Нижинский, исполнили в концерте номер «Бабочка» на музыку начинающего композитора.

Б.Асафьев постоянно проявлял интерес к музыкальному театру, поэтому значительную часть его творческого наследия составляют музыкально-сценические сочинения, включающие в себя 28 балетных и 11 оперных партитур. В поисках сюжетов для этих произведений он обращался к классикам мировой литературы – Низами, Данте, Ш.Пьерро, Г.Х.Андерсену, О. де Бальзаку, С.Пушкину, М.Ю.Лермонтову и т.д.

Определенную лепту внес Б.Асафьев и в музыкальный ориентализм. Талантливый композитор, он развил славные традиции «русской музыки о Востоке» в цикле романсов «Из подражания Корану» на слова А.С.Пушкина, в балетах «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Ашик-Кериб», операх «Алтынчеч» и «Славянская красавица». Последнее из названных сочинений стало объектом переписки Б.Асафьева и автора либретто данной оперы – талантливого ученого, создателя ряда пьес Гейдара Исмаилова. Подлинники неопубликованных писем, проливающие свет на историю создания оперы «Славянская красавица» («Волшебный замок»), написанной по мотивам поэмы «Семь красавиц» Низами Гянджеви и свидетельствующие о кропотливой и целеустремленной работе, которую вели авторы оперы, хранятся в Государственном архиве Литературы и Искусства им. С.Мумтаза [1].

Будучи интересными и содержательными образцами эпистолярного наследия, они включают в себя 15 писем и относятся к 1940–1944 годам, то

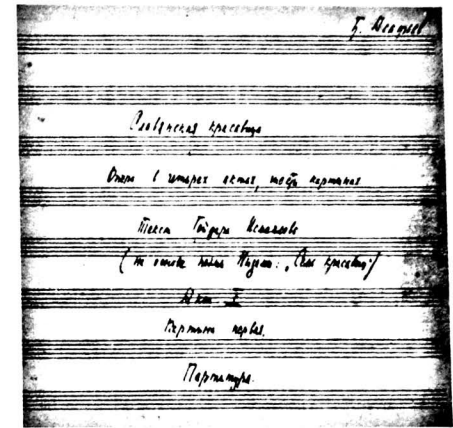
есть к периоду необыкновенного творческого взлета в жизни Б.В.Асафьева, громкой славы, когда он получил звание народного артиста СССР и две государственные премии. Именно в эти страшные годы Второй мировой войны, по словам ученого, в темном, холодном Ленинграде ему «работать хотелось, как никогда».

Если в своих научных монографиях и статьях Б.В.Асафьев исследует музыкальное наследие других композиторов, то в этих письмах он открывает собственную творческую лабораторию. Эти письма содержат много ценных мыслей и обнаруживают стиль работы Б.Асафьева – композитора. Они проникнуты полным доверием к Г.Исмаилову, которого, по всей вероятности, он хорошо знал. Содержание писем выходит за пределы чисто личной переписки и знакомят нас с историей создания оперы «Славянская красавица», с интересными событиями в музыкальной жизни тех лет, характером отношений людей, рядом творческих проблем, которыми был занят Б.Асафьев. Эти письма раскрывают перед нами и его человеческие качества – желание творить, постоянную эмоциональную окрашенность мысли, художественный вкус и чувство сожаления от того, что он не был по достоинству оценен, как композитор. Ведь выдающийся музыкант XX столетия неоднократно говорил: «Утверждали, что я не композитор, а какой-то «композиторствующий историк»... Да, я историк, и филолог (в меньшей степени), и многое изучавший литературовед, знаю и театр, не только музыкальный, плохо разбираюсь в изобразительных искусствах. По существу же, по природе своей... я типичный музыкант и сочиняю все, забывая в момент творчества, кто я: историк ли, журналист ли и т.д. Хочу создавать, вот и все» [2].

Б.В.Асафьев высоко ценил свое искусство и просто упивался творчеством. Письма к Г.Исмаилову демонстрируют, как тщательно и последовательно он работал над сочинением, вновь и вновь обращался к тому, что его не удовлетворяло. В них находят отражение такие черты его личности, как тонкий душевный строй, отзывчивость, ранимость и, в то же время, энергия и непоказное мужество. Ведь в годы войны Б.Асафьев оставался в блокадном Ленинграде, где больной, в неоплаченной комнате написал около 130 печатных листов музыкальных сочинений и десятки музыкальных композиций.

Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах состоялось знакомство Б.Асафьева и Г.Исмаилова. Однако доверительный тон писем и многие строки указывают на то, что они хорошо знали друг друга и общались семьями.

Экономист, инженер, кандидат исторических наук Гейдар Алекпер оглы Исмаилов родился в 1910 году. Семья Исмаиловых до 1910 года проживала в Нахичевани. Его отец – Алекпер Нахичыванлы был ремесленником, владел кузне-

Фотокопия рукописи Б.Асафьева. ГАЛИ, фонд 608. Рукопись произведения хранится в Российском Государственном архиве Литературы и Искусства (РГАЛИ), фонд 658.

чным делом. В 1910 году семья – отец, мать и четверо сыновей – Аскер, Гейдар, Али и Халиб переехала в Тифлис (позже родились еще два сына). В этом городе А.Нахичыванлы стал держателем мебелированных комнат на «Мейдане» – «Гостиницы Исмаиловых». Вечерами в этой гостинице собирались любители литературы и искусства: писатель Салман Мумтаз, актер Мирза Ага Алиев; а некоторые выдающиеся личности, как Гусейн Джавид, часто останавливались здесь проездом. Таким образом, дети росли в культурной обстановке, в среде образованных людей.

Аскер, старший брат Г. Исмаилова выступал на сцене под псевдонимом «Нахичыванлы». В коллективе азербайджанского драматического театра Тбилиси выступали также Мирза Ага Алиев, Гаджи Ага Абасов, Сурайя ханум, Таналаиди ханум, Мовсум Санани, Мустафа Марданов. Режиссером был А.Туганов. Заслуженной популярностью пользовалась в постановке этой труппы оперетта У.Гаджибеги «Аршин мал алан», где партию Аскера исполнил Аскер Нахичыванлы.

В 1919 году режиссером Ибрагимом Исфганлы была осуществлена постановка этой оперетты в Тифлисском Государственном театре. Это стало прощальным бенефисом Аскера Исмаилова (Нахичыванлы), уехавшего затем на учебу в Баку и ставшего впоследствии Министром здравоохранения Азербайджана [прим.2].

Не случайно, что сформировавшийся в такой обстановке Г. Исмаилов с детских лет испытывал особое пристрастие к театральному искусству. Позднее, получив техническое образование, Г.Исмаилов обстоятельно изучил историю, защитил диссертацию и преподавал в разных высших

Справа налево (стоят): Гейдар Исмаилов, Мамед Джафарли, Ибрагим Исфазанлы, Асад Халилов, Исмаил Хагги, Алекпер Сейфи. Справа налево (сидят): Ашраф Юзбашов, Али Аббасов, Рзагулу Наджафов, Абдурахим бек Ахвердиев, Алимирза Нариманов, Азиз Шариф. Тифлис, 1927 год [прим.1].

1-ый выпуск Азербайджанского Театрального института. 1950 г.
Слева сидят: М.Джафаров, Эфендиев, Г.Исмаилов, С.Рухуллы, А.Султанлы,
С.Керимов. ГАЛИ, фонд №608.

учебных заведениях, в том числе, в Азербайджанской Государственной Консерватории. Автор ряда пьес, он прославился, как создатель либретто оперы «Кероглы» У.Гаджибейли.

К сожалению, не удалось восстановить информацию о том, как возникла идея написания оперы «Славянская красавица». Известно только,

что был оформлен официальный заказ на создание этой оперы в связи с юбилеем Низами и процесс работы продолжался в течение нескольких лет.

Б.Асафьев в автобиографии писал: «Первые месяцы Великой Отечественной войны... застали меня в блокадном Ленинграде. В привычной рабочей обстановке. Я заканчивал инструмен-

товку оперы «Славянская красавица» – по Низами – для оперного театра в Баку, по заказу Азербайджанского Юбилейного комитета по чествованию этого великого поэта» [3].

Таким образом, композитор отметил, что его обращение к творчеству великого Низами Гянджеви не носило случайного характера и, было вызвано празднованием 800-летнего юбилея гениального азербайджанского поэта и мыслителя XII столетия. Интересно, что уже в 1940 году в кратком сообщении в газете «Правда» сообщается, что в связи с этим юбилеем «...композитор Б.Асафьев написал 4-актную оперу «Волшебный замок» (первоначальное название оперы. – К.Н.). В беседе с корреспондентом «Правды» Б.Асафьев рассказал о своей новой работе: «Опера написана по предложению комитета по празднованию юбилея Низами и азербайджанского Комитета по делам Искусств. Либретто принадлежит азербайджанскому писателю Гейдару Исмаилову, а русский стихотворный перевод сделан Л.Зальцманом. Сюжет оперы основан на эпизоде со славянской девушки-княжной из известной поэмы Низами «Семь красавиц». Богатырь Сухейль, освобождающий девушку из заколдованного замка, – народный герой. В образе мудреца, помогающего Сухейлю, выведен сам поэт Низами» [4].

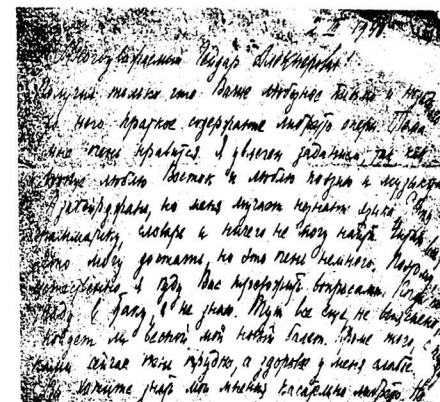
Однако хранящаяся в ГАЛИ им. С.Мумтаза перепиaska подтверждает тот факт, что процесс создания оперы продолжался и в последующие годы.

Отметим, что специальный комитет по подготовке и проведению 800-летнего юбилея Низами, первоначально намеченного на 1941 год, был создан при Совете народных комиссаров АзССР в 1939 году. Однако празднование юбилея отложили из-за войны, хотя в октябре 1941 года в блокадном Ленинграде в Эрмитаже в связи с этим событием состоялось юбилейное заседание, на котором, по всей видимости, присутствовал и Б.Асафьев. В 1945 году в Баку открылся музей Низами, а в мае 1947 года в столице Азербайджана прошли посвященные поэту юбилейные торжества.

В письме, адресованном Г.Исмаилову 2 марта 1940 года, Б.В.Асафьев отмечал, что недавно получил от него краткое содержание оперы. «Тема мне очень нравится, – пишет композитор. – Я увлечен заданием, так как вообще люблю Восток и люблю поэзию и музыку Азербайджана» [5].

Однако Б.В.Асафьева волнует проблема отсутствия грамматики и словаря азербайджанского языка, а также некоторые вопросы, связанные с либретто. В частности, он отмечает, что ему многое не ясно с точки зрения драматического развития и задает ряд вопросов, собственных позиции композитора, создающего сочинения в условиях социалистического реализма: «Если она (Нисранпуш- К.Н.) полюбила героя из рабов, значит она стремится к народу, к людям из

униженных классов? А ее народ любит? Знает? Понимает ее стремления? В чем таинственность заколдованного замка? Чему старик философ поучает Сухейля?» [5].

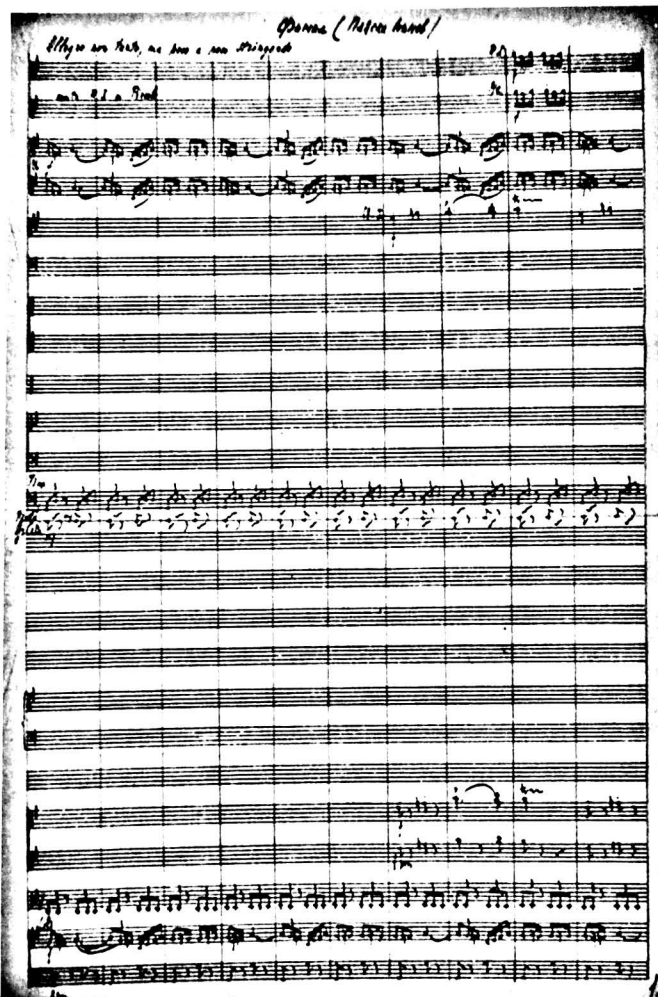
Отрывок из письма Б.В.Асафьева.
Рукопись. ГАЛИ, фонд №608.

Далее он высказывает мнение по поводу некоторых актов, чтобы «как-то оживить действие» [5]. Для этого Б.В.Асафьев предлагает показать яркими поступками, «...симпатии к бездельным» Нисранпуш или проявить ее влечение к знанию и искусству. Таким образом, композитор считает, что характеристика главной героини оперы уже в первом действии должна вызывать «... к ней привязанность, как к хорошей, доброй девушке» [5].

Драматургическое чутье подсказывает ему, что во втором действии лучше сократить прием падишаха, так как это повтор того, что было в начале оперы. Б.Асафьев предлагает оставить только гневное письмо шаха и написать большую арию Нисранпуш, которая могла бы родиться, как ответ на это требование: «Мне хочется, чтобы возникли живые эмоции, яркие чувства ... Еще мысль: может быть ... показать гибель какого-либо ... витязя, чтобы тем самым отметить ничтожность искателей брака с Нисранпуш?» [5].

Вторая половина второго акта приходится по душе Б.В.Асафьеву, он находит ее содержательной, а хорошие по мыслям события третьего действия, характеризует как «вялые» в отношении театрального действия. Вновь проявляется идеологическая установка Б.В.Асафьева и желание добиться драматического напряжения. Он отмечает, что философ должен указать, в ответ на арию Сухейля, обращенную к Нисранпуш, на его «... высшую цель – во подвиг во имя народа, раскрыть «перед его взором картины народных страданий и лишений» (подчеркнуто в письме. –

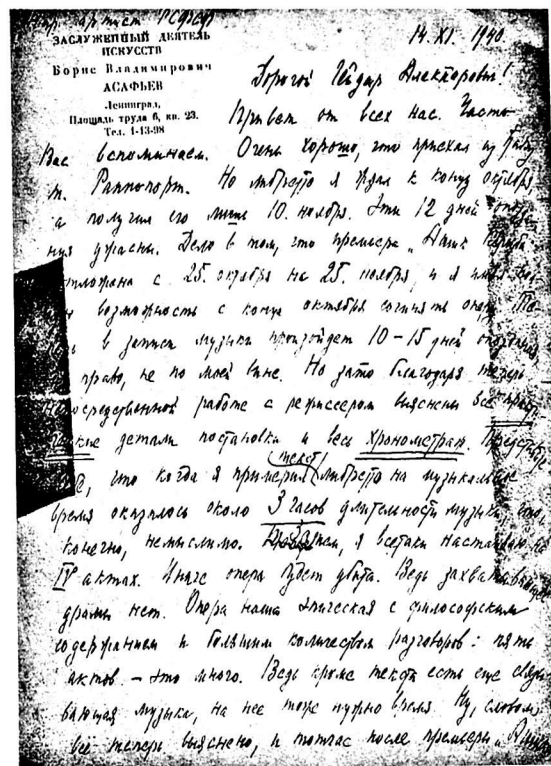
Пляска воинов из оперы «Славянская красавица». ГАЛИ, фонд №608.

трудностями и непониманием при постановке своих музыкально-сценических сочинений и потому, с такой горечью пишет о трудностях, с которыми в очередной раз столкнулся.

Из следующей части письма следует, что Г. Исмайлов беседовал с М. Храпченко, но Б. Асафьев не очень им верит: «Только, когда Комитет Низами сверху (подчеркнуто Б. Асафьевым. – К.Н.) сообщит, что я нужен для серьезного дела – поверят» и перекладывается на творческие вопросы [13]. В частности, его интересует, какой дуэт напишет Г. Исмайлов: «Прошу лиричнее, чтобы

чувствовалось сердце, великая человеческая любовь и природа» [13]. Далее Б. Асафьев напоминает о Пастухе и просит узнать на каком он инструменте играет и нет ли записанного наигрыша. В конце письма он отмечает: «...узнайте у специалистов остались ли в азербайджанской народной музыке следы так называемой пентатоники? Мне необходимо это знать (подчеркнуто Б. Асафьевым – К.Н.) [13].

Вопрос, заданный композитором связан с тем, что элементы пентатоники свойственны многим древнейшим культурам, а великий ученый считал,

Рукопись письма Б. Асафьева. ГАЛИ им. С. Мумтаза, фонд 608

что «Кавказ в своем сплетении «музыкальных языков и диалектов» значим в эволюции музыкально-интонационной речи человечества не менее, чем в истории языка и словесно – языкового мышления» [14]. Поэтому, он предполагал, что в азербайджанском музыкальном фольклоре могут быть «следы пентатоники».

14 ноября 1940 года Г. Исмайлов получил письмо от Б. Асафьева, написанное на именном бланке Заслуженного деятеля искусств и приписанное сверху его рукой – «Народного артиста РСФСР».

В письме «усталый и измученный» Б. Асафьев сетует на опоздание либретто (12 дней) и упущенную возможность сочинять в это время оперу (из-за переноса премьеры балета «Ашиг Кериб»). Композитор радуется, что из Баку приехал Рапопорт и благодаря работе с режиссером выяснил все практические детали постановки и весь хронометраж. Однако когда Б. Асафьев примерил текст либретто на музыкальное время, то обнаружил «...3 часа длительности музыки, что, конечно – немыслимо. Затем, я все-таки настаиваю на IV актах. Иначе опера будет убита... Опера наша

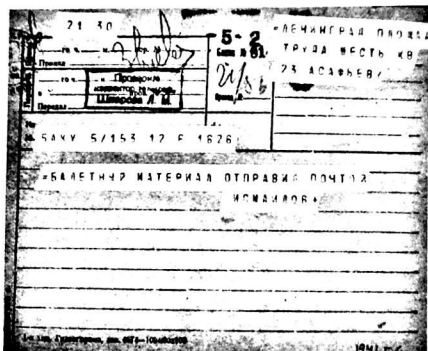
эпическая с философским содержанием и большим количеством голосов: пять актов – это много. Ведь кроме текста есть еще связывающая музыка, на нее тоже нужно время [15].

Далее Б. Асафьев просит передать Бюль-Бюлю благодарность за присланные им напевы: «Жду теперь еще напевы и – главное – пояснения к ним» и в постскрипуме пишет: «Размеры стиха придется кое-где менять: получается монотонно. Затем, ритмы присланных напевов тоже совсем иные, чем стихи либретто. Как тут быть: что к чему прилаживать? Ломаю голову и в конце концов просто буду писать свою музыку, ибо времени нет уже на раздумье» [15].

В ноябре Б. Асафьев написал еще одно письмо Г. Исмайлову. Он проявляет беспокойство по поводу постановки балета «Ашиг-Кериб» и отмечает, что «...неопытный балетмейстер и сомнящийся плохой дирижер натворили много вранды. Хорош только художник Версаладзе, потому что он талантливый и культурный грузин» [16].

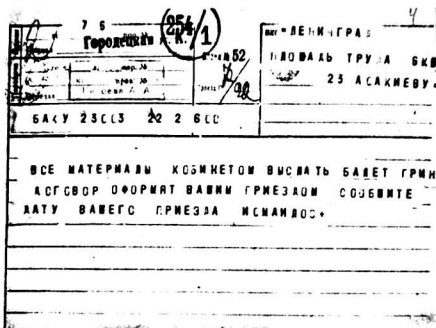
Далее из письма следует, что мелодии Нисранпуш (песня с башни, 2 акт) и пастуха, а также

договора относительно балета «Семь красавиц» он так не получил.

Хранится в ГАЛИ им. С.Мумтаза

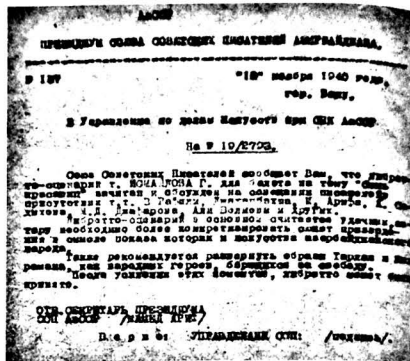
В ответном письме Г.Исмаилов выражает согласие по поводу четырех актов и сообщает, что Бюль-Бюль отправил в Москву еще 40 напевов с объяснениями (а также телеграмму – К.Н.) [17].

Телеграмма Г.Исмаилова. ГАЛИ.им.С.Мумтаза

Он отмечает, что Секретарь ЦК КП Азербайджана и председатель юбилейного комитета Ягубов долго беседовал с ним и Г.Исмаилов сообщил ему о «...совместной работе над составлением плана... Тов. Ягубов и тов. Ибрагимов говорили, что балет нужно написать» и добавил, что Ягубов обещает оформить договор, как только Б.Асафьев придет в Баку. А еще информирует о том, что либретто балета было обсуждено и принято в «Союзе Советских Писателей» (ныне Союз Писателей Азербайджана) [17].

16 декабря 1940 года Б.Асафьев, приходящий в себя после страшной усталости пишет, что последние дни перед окончанием оперы спал по 3-4 часа в сутки: «Во всяком случае я честно задумался (в творчество Низами и худож. культуру

Копия хранится в ГАЛИ им. С.Мумтаза

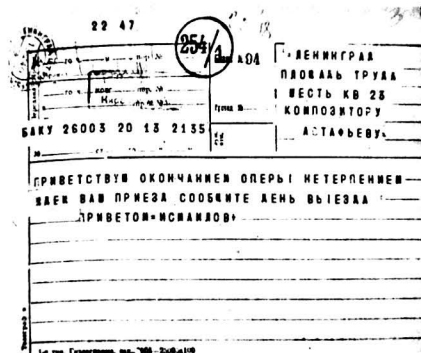
(сокращено автором письма. – К.Н.) Азербайджана и всеми силами и знаниями откликнулся на призывы. А далее примут или не примут оперу, вина не моя. Я так устал, что ехать никогда не могу...» [18]. Он сетует на отсутствие договора, нотной бумаги и просит объяснить дирижеру Гинзбургу, пригласившему телеграмму с просьбой прислать отрывки из оперы для Азербайджанской музыкальной декады, что оркестровать не может, так как «безумно утомлен» и отдал клавиру на переписку (не ясно, о какой декаде пишет композитор. – К.Н.).

Далее Б.Асафьев отмечает, что Бюль-Бюль прислал прекрасные материалы для балета и недоумевает, что он послал их не на его домашний адрес, а в Союз Композиторов, где они «долго пролежали». Он делится планами относительно музыки балета: «Балет я хотел делать насквозь почти национальным, ибо материалы – напевы, полученные от т. Бюль-Бюля дают к тому полную возможность. Кроме того, опыт мой с «Ашигом» показал, что я хорошо владею инструментальными интонациями и ритмами Востока... В опере мне удалось наметить много новых путей и принципов применения европейской техники к национальной музыкальной культуре и я уже теперь жалею, что незнание языка помешало мне писать музыку на азербайджанский ваш текст. Но если «Волшебному замку» повезет, я изучу ваш язык, и мы с Вами напишем азербайджанскую современную оперу из советской действительности» [18].

В январе 1941 года Г.Исмаилов сообщает Б.Асафьеву, что он, с Ш.Мамедовой, которой очень понравилась музыка, были у Ягубова и левидца дала хороший отзыв: «Она просила меня написать некоторые арии для Нисранлуш» [19].

Обеспокоенный словами композитора, Г.Исмаилов был так же у М.Ибрагимова, который показал ему копии телеграммы и письма Б.Асафьеву и дал поручение выдать гонорар

композитору. По поводу балета либреттист беседовал с Ягубовым, который сказал: «Вы напишите, на это денег мы найдем» [19].

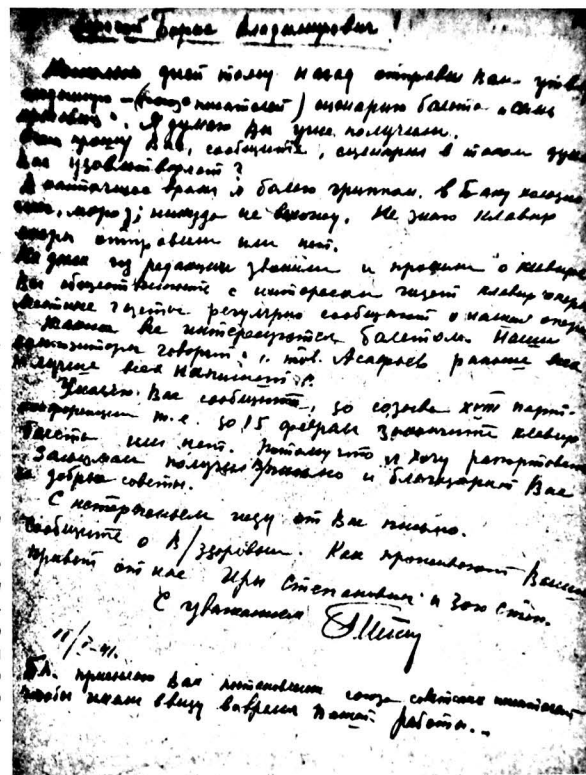
Г.Исмаилов доводит до сведения Б.Асафьева, что отправил ему утвержденный в Союзе Писателей сценарий балета «Семь красавиц». Он отмечает, что местные газеты регулярно сообщают об их совместной работе и «вся общественность с интересом ждет клавиру оперы» [19].

В феврале 1941 год Г.Исмаилов сообщает, что на совещании Комитета по юбилею Низами выяснилось, что «... кроме Вас никто не закончил оперу, балеты... Ибрагимов передал Ваше письмо относительно Арии и ариозо Нисранлуш... По Вашему указанию мы втроем выполнили эту работу и сдали в управление» [20]. Далее он отмечает, что после получения клавира оперы к 10 марта 1940 года «... можно поднять вопрос о балете» [20]. Из письма следует, что в апреле ожидается приезд Б.Асафьева в Баку. Либреттист информирует композитора о том, что выполнил все его распоряжения и поэтому недоумевает, почему композитор «молчит». «Что касается балета, - пишет Г.Исмаилов, - я отправил Вам сценарий, если предположим, Азербайджанская республика не захочет заказать, то мы можем написать и предложить центральному юбилейному комитету по юбилею Низами в Москве» [20]. Он просит Б. Асафьева сообщить о своем решении относительно балета и поздравляет его с получением звания доктора искусств.

Из очередного письма, написанного Г.Исмаиловым в феврале 1941 года следует, что Ягубов поручил «осуществить балет» и поэтому он, не дожидаясь официального оформления договора, переслал ему сценарий балета [21].

22 февраля 1941 года Б.Асафьев ответил на письмо Г.Исмаилова и объяснил свою позицию относительно балета [22]. Отметив, что сильно переутомился и впереди еще инструментовка оперы («около 500 страниц партитур!»), он подчеркивает, что М.Ибрагимов писал и в личной беседе уверил его в том, что «этот балет сейчас немислим» и поэтому он боится «истратить свои силы на сложное произведение без заказа...» [22].

Далее он делится своими мыслями относительно сценария и утверждает, что из него можно сделать балет, и раскрывает свой принцип создания балетной партитуры: «Но каждый балетный сценарий, если он не согласован с балетмейстером, - еще не есть балет. Писать музыку без согласования с балетмейстером - это значит, потом переделывать свой труд без конца... Кроме того, я знаю, что балет на сходный сюжет из Низами уже в Баку сочиняется» [22].

Приведенная цитата совпадает с мыслью французского балетного реформатора Ж.Новерра о том, что успех балета определяется совместная работа композитора, либреттиста и балетмейстера. Творческий опыт Б.Асафьева, на практике познавшего все тонкости балетного искусства, неоднократно подтверждал правомерность такого отношения к балетному спектаклю.

Интересно, что в этом письме Б.Асафьев опять использует старое название оперы – «Волшебный замок». К сожалению, ни в одном письме речь не идет об изменении названия и потому, это дает основания считать, что данный вопрос, вероятно, обсуждался с М.Ибрагимовым.

В этом достаточно длинном письме он сообщает так же о том, что у него были М.Ибрагимов и Ш.Мамедова, которая «... вполне определенно отменила те места, какие в ее партии надо расширить и обещала мне по возвращении в Баку попросить Вас дописать необходимый текст» [22]. М.Ибрагимову композитор объяснил обо всех необходимых дополнениях в либретто, однако подчеркнул, что клавиш переписан и «музыка всей оперы очень связана», чтобы сделать добавления в 3-ем акте, ему придется изменять многое в 1-ом и 2-ом актах. Он уточняет, какие дополнения требуются: до пения пастуха надо добавить ариозо Нисранпуш и отмечает, что Ш.Мамедова «... обещала дать свой напев для этого ариозо и сообщить его Вам». Во 2 картине нужна большая драматическая ария героини, «... а в самом конце вместо обморока, который в опере – немислим, нужен пламенный любовный дуэт героя и героини» [22].

Он просит относительно музыкальной формы арии и дуэта обращаться к Рапопорту, которому тоже написал письмо. Б.Асафьев отмечает, что передал Г.Исмаилову письмо через М.Ибрагимову: «Я был рад с ним познакомиться и так хорошо побеседовать» (подчеркнуто Б.Асафьевым. – К.Н.) [22].

Спустя 10 дней композитор в очередном письме сообщает, что получил дополнительный текст и объясняет, какого типа арию он собирается написать. Предположительно, она будет в форме классической арии и указывает пример – ария из «Русалки» Даргомыжского (в подводном царстве). Он отмечает, что хотя стихи хорошие, но безумно длинные, их не спеть и не та форма [23].

Из письма следует, что при присланном тексте приложено письмо от М.Ибрагимова, который просит к 10 марта выслать весь клавиш со вновь написанным музыкальным материалом. Однако Б.Асафьев объясняет причины, по которым это невозможно осуществить к указанному сроку.

Он вносит ясность в ситуацию, связанную с балетом и указывает все условия для его написания: «... если нужен балет, то я хочу иметь... либретто, утвержденное не Союзом Писателей, а Комитетом Низами или Управлением по делам

искусств, во-вторых, сценарий на основе Вашего либретто, сделанный балетмейстером, или режиссером, или совместно обоими, который будет ставить этот балет, в третьих – договор» [23].

В мае Г.Исмаилов сообщает композитору, что клавиш оперы «Славянская красавица» переписывается и на днях начнется разучивание отдельных партий: «На 1 майском торжественном вечере артистами госоперы исполнены отдельные арии из Вашей оперы (к сожалению, я только лежа слушал по радио)» [24].

Спустя несколько месяцев Б.Асафьев рассказывает о проблемах и сообщает, что «... кроме как работой над инструментальной нашей оперы ничем иным не занимаюсь... Но теперь новая беда: из бюро по переписке нот у меня не берут для переписки готовые части партитуры» и просит сообщить об этом М.Ибрагимову и Рапопорту [25]. Композитор считает, что «инструментовка идет хорошо и звучать опера будет интересно, но требует большой выучки и долгой внимательной работы» [25].

Из письма следует, что он получил также «милое письмо» от дирижера Гасанова, которому ответил, но новых известий от него и Рапопорта не получил. Он выражает согласие ответить на все вопросы дирижера по поводу темпов, характера исполнения и т.д. По мнению Б.Асафьева «... опера получилась содержательная, интересная, необычная по стилю, но трудная, требующая тщательного вникания. А такое вникание возможно, если есть сочувствие» [25].

Большой интерес вызывает еще одна информация, которой Б.Асафьев делится в письме. Судя по ней, ученый предоставил в Московский Музгиз песни Бюль-Бюля, однако он «упорно молчит, ... хотя я уже давно показал весь этот прекрасный материал главному музредктору. Досада какая-то» [25]. Вероятно, учитывая высокую художественную ценность музыкального фольклорного материала, Б.Асафьев рекомендовал их к публикации, но по каким-то неведомым нам причинам, издательство этого не сделало [25].

В июле 1941 года Г.Исмаилов сообщает Б.Асафьеву, что в театре роли распределены и актеры проходят уроки: «Пока театр занят только нашей оперой. Остальные композиторы пока не закончили свои работы» [26].

Следующее письмо, хранящееся в архиве, было написано Б.Асафьевым в декабре 1941 года [27]. Из него следует, что Г.Исмаилов написал ему из Казани, но несколько ответных его писем к либреттисту и другим лицам, содержащие разъяснения, касающиеся оперы, не дошли до адресантов. Кроме того у композитора возникли проблемы с перепиской 3 и 4 акта оперы, так как некий Шальман – переписчик нот, не выполнил условия договора, заключенного с Ленинградским Союзом Композиторов. Он просит сообщить Т.

Храпченко, что работа была честно закончена, но что произошли проблемы с нотным материалом. Б.Асафьев пишет, что страдает от этой ситуации, так как «... творческие надежды были связаны с этой моей ценной работой для Азербайджана. Я так Вас всех люблю. Но что поделаешь – такой мой скорбный творческий путь» [27].

Еще одно письмо Б.Асафьева написал из Ленинграда 26 февраля 1942 года, где отметил, что получил телеграмму от Идаятзаде, где отметил, что в Баку недоспали 3 и 4 акты оперы («кстати, здесь о ней не раз сообщали в Ленинградской Правде и исполняли отрывки на Радио с обязательным указанием Вашего времени») [28]. Он сообщает, что попросит скопировать партитуру этих актов, но оркестровые партии придется переписывать в Баку. Композитор обстоятельно рассказывает Г.Исмаилову о своих взаимоотношениях с «азербайджанской стороной»: «Всюду в организациях и учреждениях я говорю о замечательном отношении ко мне и моей работе со стороны азербайджанцев, т.е. Вас, Ибрагимова, Управления по делам искусств, Бакинского театра и т.д. и ставлю это в пример отношения к композитору. Позавчера говорил об этом и в нашем Горкоме. Сообщал в интервью. Писал т. Храпченко...» и просит сообщить всем инстанциям, что он выполнил свое обещание [28].

Далее Б.Асафьев отмечает, что сейчас заседает комиссия по сталинским премиям и он «... знает, что недрузи всегда замалчивают мою работу... Но надеюсь, что вспомнят теперь. Но я хотел бы, чтобы друзья указали хотя бы, что я сделал свое дело. Не в премиш дело, ... а в том, что и в месяцы Отечественной войны мой талант и мои мысли, художественное творчество остаются на своем посту. Вот в этом отношении я прошу дорогих азербайджанских друзей поддержать меня, а я в свою очередь в остаток своей жизни и сил готов сделать самое лучшее, что могу для Вашего народа» [28].

Под фразой «дорогих друзей» он, вероятно, имел в виду У.Гаджибеи, который был единственным азербайджанцем, который входил в первый состав комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства при Совете народных комиссаров СССР. Известно, что к мнению Узеирбека внимательно прислушивались, он неоднократно и объективно выступал на заседаниях, когда обсуждались кандидатуры Д.Шостаковича, С.Прокофьева, Н.Мясковского, Р.Глиэра, М.Шолохова, С.Вургуня и др. [прим.4].

В конце письма Б.Асафьев просит этически поддержать «сильных пока еще» его дух и добавляет, что в «... искусстве лентяев завелось и они не любят тех, кто в серьезных и тяжелых условиях работал и работает» [28].

Из последнего письма Б.Асафьева, хранящегося в архиве следует, что члены его семьи с февраля 1943 года находятся в Москве. Ученый отмечает,

что как все ленинградцы, они многое пережили в этом городе, но он ни на миг не бросил работы, потому что «... полагал, что советская мысль не должна замирать ни при каких обстоятельствах» [29].

Б.Асафьев рассказывает о своих успехах и о том, как встретил в Большом Театре Ш.Мамедова, которая сообщила, что в Баку опера «Славянская красавица» готовилась к постановке. «Повторяю, мне очень дорога моя «Славянская красавица» и я с глубокой болью вспоминая незабвенные годы нашей работы, в которые я вкладывал и душу и знания и культуру, – в работу, к которой я отнесся с полнотой чувства и энтузиазма» – пишет Б.Асафьев [29].

Дальнейшие строки письма свидетельствуют о моральном страдании композитора, той боли и досаде, которую он испытывал долгими зимними темными ночами в Ленинграде. Однако Б.Асафьев вспоминает и то тепло, доброту, которая исходила от общения с Г.Исмаиловым, отмечает, что «друзья они не забывают» (имеет в виду свою семью. – К.Н.) и надеется, что переписка вновь возобновится [29].

Это письмо Б.Асафьева, хранящееся в ГАЛИ, в котором он интересуется участием своего произведения, вызывает огромное сочувствие к труду талантливого композитора и рождает массу различных вопросов. К сожалению, в ГАЛИ им. Мумтаза нет других письменных свидетельств дальнейшего общения композитора и либреттиста. Б.Асафьев покинул этот мир в 1949 году, а спустя год не стало Г.Исмаилова. Возможно, если бы жизнь Г.Исмаилова не оборвалась бы в сорок лет, мы узнали бы больше о сложившейся в те годы ситуации, но к сожалению, в данный момент другой информацией мы не располагаем.

Безусловно, реализация постановки оперы «Славянская красавица», законченной в сложные годы Второй мировой войны, осложнялась рядом проблем – отсутствием композитора в Баку, длительной перепиской, как творческого, так и организационного характера, несвоевременной доставкой партитуры, перепиской оркестровых партий и мн.др.

Однако сегодня, думается, возможна (хотя бы в концертном исполнении), постановка оперы «Славянская красавица» Б.Асафьева, написанной на основе произведения Низами и азербайджанского музыкального фольклорного материала. Это художественное событие далеко не местного масштаба, выявило бы характерные черты ориентализма Б.Асафьева в эволюции творчества композитора и во взаимосвязи с общим процессом развития «русской музыки о Востоке». Сценическая реализация и тщательный анализ оперы «Славянская красавица» обогатили бы нашу музыкальную культуру и науку, позволили бы установить связь музыкального материала оперы с азербайджанской народной музыкой, законы ее

движения и преобразования. А ведь вероятно, не без внимательного изучения азербайджанского фольклорного материала, Б.Асафьев во второй книге капитального исследования «Музыкальная форма как процесс», созданной в период ленинградской блокады (дата окончания – 24 января 1942 г.),

написал следующие строки: «В нашей великой стране «звучат музыки» далеких архаических ритмо-интонационный и мелодических культур. На Кавказе и в Закавказье интонационные пласты сплелись в сложный клубок» [30].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фотография была сделана в Тифлисе 4 февраля 1927 года, где отмечалось 35-летие литературной деятельности А.Ахвердиева. Фотография из личного архива Г.Исмаилова, передана его сыном, заслуженным геологом республики Ровшаном Исмаиловым в 1986 году. Ныне хранится в ГАЛИ им. Мумтаза.

2. Братья Г.Исмаилова: Аскер Исмаилов – министр здравоохранения Азербайджана. Анвер Исмаилов – Заслуженный строитель Азербайджана, создатель архитектурных проектов Музыкального Драматического театра в Нахчевани, здания Бакинского цирка, станции «Нефтчиляр» Бакинского Метрополитена и т.д.

Хабиб Исмаилов – Заслуженный деятель искусств, режиссер ряда документальных и художественных фильмов, в том числе «Мачеха», «Джафар Джабарлы» и т.д.

3. М.Б.Храпченко – советский литературовед, государственный и общественный деятель, председатель Комитета по делам искусств (1939–1948), Герой Социалистического Труда.

4. Стенограмма пленарного заседания Комитета по сталинским премиям при СНК СССР в области литературы и искусства от 21.11.1940 года приводится в статье С.Гарабаглы «Мудрый художник» // «Musiqi Dünyası». 34-12, 2002, с. 9-11.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переписка Б.Асафьева и Г.Исмаилова. Государственный Архив Литературы и Искусства им. С.Мумтаза, фонд № 608.

2. О.Босовская. Еще один штрих к портрету // журнал «Музыкальная жизнь». 1984, №14, с. 9.

3. Б.В.Асафьев. Страницы биографии // журнал «Советская музыка». 1984.

4. Опера «Волшебный замок» // Газета «Правда». 26.12.1940.

5. Письмо Б.А.Асафьева. 02.03.1940. ГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608.

6. Письмо Г.Исмаилова. 10.03.1940 // ГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608, оп. 3, д. 41.

7. Письмо Г.Исмаилова, 25.03.1940 // ГАЛИ, фонд 608.

8. Письмо Г.Исмаилова. 1940, май // АГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608, оп. 4, д. 41.

9. Письмо Б.В.Асафьева. 04.06.1940 // АГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608, оп. 4, д. 41.

10. Письмо Б.В.Асафьева. 09.09.1940 // АГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608, оп. 4, д. 41.

11. Письмо Г.Исмаилова. // АГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608, оп. 4, д. 42.

12. Письмо Г.Исмаилова. 18.10.1940 // АГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608, оп. 4, д. 41.

13. Письмо Б.В.Асафьева. 27.10.1940. ГАЛИ им. Мумтаза, фонд 608.

14. Б.Асафьев. Пути развития советской музыки / Б.Асафьев. Избранные труды. Т.5.1957, с. 60.

15. Письмо 14 ноября 1940. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

16. Письмо 14 ноября 1940. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

17. Письмо 14 ноября 1940. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

18. Письмо Б.Асафьева. 16 декабря 1940 г. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

19. Письмо Г.Исмаилова. Январь 1941 г. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

20. Письмо Г.Исмаилова. Февраль 1941 года. ГАЛИ им. Мумтаза, фонд №608.

21. Письмо Г.Исмаилова. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

22. Письмо Б.Асафьева. 22.02.1941. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

23. Письмо Б.Асафьева. 01.03.1941. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

24. Письмо Г.Исмаилова. 13.05.1941. ГАЛИ им. С.Мумтаза, фонд №608.

25. Письмо Б.Асафьева. 25.06.1941. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

26. Письмо Г.Исмаилова. 05.07.1941. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

27. Письмо Б.Асафьева. 07.12.1941. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

28. Письмо Б.Асафьева. 26.02.1941. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

29. Письмо Б.Асафьева. 06.09.1944. ГАЛИ им.С.Мумтаза, фонд №608.

30. Б.Асафьев. Музыкальная форма как процесс. Кн.1 и 2. Л., 1971, с. 308.